

и человека. В целом русские теоретики причины культурного кризиса связывали с культурными ценностями, а деформационные процессы сводили к огрублению культуры в контексте бесконтрольного научного прогресса.

Нужно заметить, что культурная ситуация гораздо сложнее и многограннее, чем представляли ее себе русские авторы. Необходимо ли идти вслед за ними только критикуя современную культуру? Скорее, позитивное и негативное переплетаются в современной социокультурной реальности. В то же время, мы должны быть благодарны мыслителям начала XX века за то, что они целенаправленно обращали внимание общественности на кризисные тенденции.

В.В.РОЗАНОВ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ НЕУДАЧ РОССИИ В XIX-XX ВЕКАХ

Леднев В.П.

В.В.Розанов как мыслителя постоянно волновала историческая судьба России. Будучи великим русским патриотом, он всегда защищал достоинство России и ее народа, не боялся вступить в полемику с теми силами, которые ко времени его жизни настолько проникли в социально-экономические, управленческие и духовно-нравственные структуры России, что этого уже было невозможно не заметить.

Будучи литературным критиком, он прекрасно видел и понимал, что художественная литература в полной мере несет ответственность за судьбу страны. Особенно велики были его претензии к так называемым «нигилистам», которые, по его мнению, создали оторванные от реальности художественные образы, сыграли отрицательную роль в воспитании молодого поколения российских граждан. Он с горечью писал, что «Наша история за пятьдесят лет – это «история изнасилования России нигилистами»¹. Он высоко ценил А.С.Пушкина не только за его неповторимое художественное мастерство, но также и за то, что он был подлинно национальным поэтом, на которого равнялись все остальные и который способствовал развитию национального самосознания русских, объединению их духовно и эстетически. В силу этого он предполагал, что если бы Пушкин не был убит на дуэли и прожил 10-20 лет, то «история нашего развития общественного была бы, вероятно, иная, направилась бы иными путями». Шедшие за ним

¹ Розанов В.В. Из книги, которая никогда не будет издана. //Легенда о великом инквизиторе Ф.М.Достоевского.-М: Республика, 1996, с.635.

Гоголь, Лермонтов, Белинский, Герцен, Хомяков, Достоевский «пошли вразброд». «Между ними раскололось и общество. Все последующие, после Пушкина, русские умы были более, чем он, фанатичны и самовластны, были как-то неприятно партийны»¹.

Он даже полагал, что если бы Пушкин жил дольше, то в литературе не было бы спора между западниками и славянофилами, особенно в столь резкой форме, как происходило и происходит вплоть до настоящего времени.

Отношение к России и русским было одним из главных критериев его оценки творчества любого прозаика, поэта, мыслителя. Он был хорошо знаком лично со многими выдающимися русскими писателями, философами, художниками, но их оценка определялась именно служением России. Если этого в творчестве не замечал, то писал и говорил об этом прямо, что порождало многих недоброжелателей. Известный русский философ, автор идеи Всеединства мира, В.С.Соловьев хотел опубликовать свои стихотворения, которые не отвечали этому главному для Розанова критерию. Розанов в доброжелательной форме сделал Соловьеву упрек. Он писал, что в литературе и философии мало людей, которые бы в 23 года достигли столь больших успехов, и Соловьев заслуживал популярности. Но постепенно ученые и читатели стали отворачиваться от него, так как в нем не было «притяжения национальной любви». «Любит ли он Россию? – Конечно, да! – Бога? – Конечно и конечно! Истину, науку, философию? – Опять да! Но служить ничему он не умеет. И не умеет ... охватить никакой цели. Золотая голова, серебряная шея, медная грудь.... И дальше – железо, кирпич, песок, глина, плохо, хуже и хуже»².

В. С. Соловьев хотя и обиделся на него, но В. В. Розанов до конца своих дней его любил и жалел, между ними случилась размолвка. Но не написал этого он просто не мог.

Всем известно, что именно, исходя из этой точки зрения, В. Розанов столь высоко ставил Н. А. Некрасова. К 25-летию со дня его кончины он писал: «Некрасов запел в глубоко русском духе. По «русизму» нет поэта еще, такого как он: тут отсутствуют, как сравнительно иностранные, Пушкин, Лермонтов, да даже и Гоголь. У Некрасова все было ежедневно, уличено, точно позвано сейчас с улицы к столу поэта – журналиста; и вместе каждое у него стихотворение светилося смыслом целостной своей эпохи ... Гоголь смеялся над дей-

¹ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с. 46

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с.50

ствительностью, ... Ему надо было дотащить до Рима, чтобы, наконец, начать смотреть кругом себя без сарказма, без улыбки. Весь мир Гоголя – глубоко фантастический, он изведен изнутри его бездонного субъективизма ... Все время около него шипела зависть (немногие имели такт скрыть ее) людей отчасти более литературных, более образованных, но без специального отношения к своему времени и народу. ... Это как поэтический паспорт, где прописаны “приметы” народные и который придется предъявить иностранцу»¹.

Литературными симулянтами называл он Д. Мережковского, А. Блока, З. Н. Гиппиус, всех декадентов и символистов, которые на первое место ставили индивидуализм (хотя и христианский), а не чувство Родины и патриотизма. Он писал: «О, эти христиане – индивидуалисты. Без языческого “культа предков”, без чувства рода, племени, родины! В тысячный раз приходится убедиться, до чего невозможно обойтись без этих языческих чувств, до чего с пресловутым “индивидуализмом”, оторванностью личной души мы приходим не якобы к углублению ее, а иногда к простой торговой бессовестности»².

Декаденты, не понимающие чувства патриотизма, по его мнению, были не правы, когда писали, что «интеллигенция разошлась с народом». С Россией и ее народом не расходятся художник М. В. Нестеров, ученый Д. И. Менделеев, не расходились А. С. Пушкин, М. Ю. Лермантов, Н. А. Некрасов, Н. В. Гоголь. По его мнению, с народом не расходятся талантливые, а расходятся обычно бесталанные или средние творческие люди. «Образованные люди в России, – подчеркивал Розанов, – трудились и создавали, надеялись и успевали, часто не успевали, страдали, и все-таки и тогда не проклинали, а завещали детям, внукам так же работать. Талант всегда утешителен в себе самом, приносит веселье, радость, даже и при неудачах. ... И мрачный демонизм, например, декадентов, происходит просто оттого, что они пишут плохо стихи»³.

В. В. Розанов постоянно защищал *религиозность* русского народа. После появления стихов А. Блока, где он увидел только внешнее за тем, что попов оберегают жандармы и что православие, культ и храм не нужны народу. Розанов в статье «Попы, жандармы и Блок» использовал письмо одного из его корреспондентов, где тот писал: «И ладан, и свечи, и дьячок, и священник в облачении – как все это хо-

¹ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с.110

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с. 331.

³ Там же, с.332.

рошо и как нужно нашим крестьянам. Когда однажды я заговорил в селе, что все это от них отнимут, потому что у них поп – пьяница, старик крестьянин начал плакать и говорить мне, что «пусть у них хотя и пьяненький будет священник, а без него им нельзя. Пусть пьяных попов будет судить бог, ... а для них они все же священники. И без них и без храма им нельзя»¹.

В. В. Розанов одним из первых в серебряном веке резко поставил вопрос о необходимости *патриотического и героического воспитания*. В статье «Героическая личность» он считает, что для достижения свободы необходимы герои, которые воспитываются в семье, в школе, всем образом жизни. По его мнению, «герой всегда серьезен», и эту серьезность отношения к жизни должна воспитывать *художественная литература*. Но в XVIII – XIX вв. появились писатели, которые стали создавать лживые художественные образы, побуждали молодое поколение только осмеянию русской действительности. В результате героическое и патриотическое настроение стало уходить на второй план. «С детства все читали и смеялись персонажам Грибоедова, потом явился Гоголь: захохотали. Начал писать Щедрин: “подвело животики”... У юноши с 14 лет “подвело животики” при всяком чтении, а в 19 лет появилась кривизна губ, желтизна кожи, взгляд раздраженный и презирающий. Чиновник или писатель в 29 лет решительно презирал все в России, кроме себя и той “умной книжки”, которую он читал»². По его мнению, *это и сгноило русский корень*.

Отсутствие общерусского уважения к своему государству, своим традициям и культуре обусловило тот факт, что в России все больше и больше стали набирать силу отдельные кружки, политические партии, приводящие в конечном итоге к свержению царя и приходу, ко власти авантюристов во главе с В. Лениным, Л. Троцким, Ф. Дзержинским, И. Сталиным, Л. Каменевым, Г. Зиновьевым. Не обладая опытом государственного управления, при полном отсутствии экономической культуры и практического опыта, они отторгли Россию от мирового сообщества и привели ее к краху в экономическом, политическом и духовном плане.

Он предъявлял справедливые претензии к Белинскому, который был обозлен на всех и вся, после своего известного письма к Гоголю, по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», по собствен-

¹ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с. 332.

² Там же, с. 429.

ному признанию «защелкал зубами, как шакал»¹. Его письмо стало распространяться по всей России и оно оказало громадное влияние на складывания в России революционной ситуации и подготовку октябрьской авантюры Ленина в 1917 году.

В. В. Розанов еще в 1911 году, в год 100 – летия В. Г. Белинского почувствовал, что настанет время, и наследие его будет переосмыслено. Он признавал, что в юные годы, как и все передовые люди России XIX в, начиная от гимназистов и кончая самыми известными учеными, все учились у В. Г. Белинского. Но он задолго до крушения марксизма-ленинизма и начала как называемой «перестройки» в СССР, периода переосмысливания идейно-революционного наследия XIX – XX вв., отмечал, что у Белинского *не стоило учиться жизни*, ибо он сам жизни не знал, не выходил за рамки искусственных теоретических схем, представлений и понятий. Его статьи, книги и выводы были сделаны в то время, когда он сам *только учился жизни*. Они могли взволновать общество, но не исправить его. По точному замечанию В. В. Розанова, если «Горе от ума» А. Грибоедова «начало эпоху разговоров в салонах», то Белинский начал «эпоху разговоров по комнаткам-келейкам – разговоры вдвоем. А не в обществе»². В нем не было «корешка, уходящего в землю». По этой причине В. Розанов и определял В. Г. Белинского как в высшей степени «не прогрессивного, а задерживающего»³ писателя. Это была первая любовь русских революционеров, первый их ошибочный роман. Это был великий реформатор, но только *книжный*, оторванный от страны и от подлинных чаяний русского народа, чего не понимали шедшие за ним и гораздо более образованные Грановский, Герцен, Тургенев, Бакунин, профессура, студенты, все призывающие Россию к революции. «Белинский, – писал Розанов, – основал русскую мечту: «но он же основал и русский нигилизм. ...Он совершенно столько же заслужил благословения, сколько заслужил и проклятия. ...Он испортил в значительной части “хозяйственную сторону” русской работы»⁴. Он «зажег идеализм в “рабских” слоях нашего общества и надолго сделал невозможным обратное впадение этих слоев в “вино” и всяческую житейскую грубость»⁵.

¹Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с.429.

² Там же, с. 506.

³ Там же, с. 507.

⁴ Там же, с. 591.

⁵ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского.- М: Республика, 1996, с. 302.

Он был прав в оценке места и роли Т. Н. Грановского в подготовке этой же авантюры. Это был человек «ничуть не гениальных способностей», но во всех сочинениях, миниатюрных статейках, в рецензиях на книги, в письмах к друзьям и родным – везде отрицал и не любил Россию. По точному замечанию Розанова, по всему строю души, «Грановский был гражданином несуществующей и существующей, вечно осуществляемой, и может быть, несбыточной республики»¹. Подобные же претензии он предъявлял к А. И. Герцену который «плевался» из-за границы будоражил общественное мнение в России, а сам только и думал о «их превосходительствах». По его мнению Герцен был не гражданин России, а брюзжащий чиновник в отставке или притесненный помещик. М. Е. Салтыков-Щедрин, по его характеристике, был вице-губернатором, «никак не могший дослужиться до губернатора». В. В. Вересаев не мог стать медиком, а, войдя в литературу, начал обвинять других медиков, общество, а в целом тоже разрушал традиционную русскую государственность.

Теперь мы воочию убедились, что эти люди подготовили и осуществили в России «обывательскую» революцию. Это они и их потомки кричат: «не виноваты», «не Ленин, русский народ», «русские рабы», «поедем в Израиль», «поддерживай любой переворот в России», «мы за приватизацию по Б. Ельцину, Е. Гайдару, А. Чубайсу, Г. Бурбулису, А. Лившицу, Я. Уринсону, П. Буничу, Ясину» и другим ультрареформаторам.

В.В. Розанов не случайно заострял вопрос об истинной и ложной литературе, авторы которой выдают обществу несправедливую информацию, выдумывают образы никогда не существовавших в этой нации людей. А они, по простоте душевной, идут и подражают вымышленным героям. «Литература и история литературы, – писал Розанов, – ранее или позже разложатся на серию типичных личностей данной нации, как бы говоривших перед Богом и человечеством от лица этой нации. ... Со временем литературная критика вся сведется к разгадке личности автора и авторов»². Ложные писатели всегда были в истории всех народов. В России конца XIX – начала XX века они, по его мнению, на три четверти заняли литературное поле. Они «...не пишут, а все “составляют”, “сколачивают”, сочиняют самым жалким видом сочинительства»³.

¹ Там же с. 429.

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. – М: Республика, 1999, с.430.

³ Там же, с. 431.

Но самое плохое, что они делают, – измеряют Россию «нерусскими оценками», дают нерусские объяснения»¹ тем или иным общественным явлениям.

В. В. Розанов высоко ценил А. И. Герцена за то, что «он ... был кумир, перед которым все меркло для людей невольно – пассивного положения, в каком находились все люди николаевского времени»²; он справедливо отвергал упреки Герцена в оценке Александра II за недостаточно быстрые и недостаточно радикальные реформы. Розанов уже тогда увидел, что Александр II по своим взглядам шел наравне с Б. Н. Чичериным, К. Кавелиным, кружком «Современника», а в конечном итоге всем им предпочитал дело. Он понял и то, что для Герцена социализм был только «литературным полем». Он не был человеком реальной жизни, а между тем, как и Чернышевский, звал Русь к топору. По его мнению, Герцен «решительно ничего не «щупал руками». ... Он на “топоры” оттого и указывал, что срубить березу еще мог в порыве, а вот из березы выделать какой-нибудь инструмент, сколотить стол, сделать соху борону – решительно бы не мог. И посади-ка бы его “во власть” на случай “освобождения крестьян”, ну на трон: то он сделал бы несравненно менее Александра II, ибо менее его был трудоспособен и скромнен; он все бы измьял, все бы искровенил, и, в конце концов, ничего, не сделав, заехал бы от отчаяния в такую реакцию, какая нашему правительству и не снилась»³.

От себя добавим, что в предполагаемом Розановым положении А. И. Герцена позднее оказались В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Б. Н. Ельцин, Т. Бурбулис, Е. Т. Гайдар, А. Чебайс, все российские ультрореволюционеры и младореформаторы, которые, как и А. И. Герцен, звонили в «Колокол», но в святцы не заглядывали. Но самое плохое то, что все они, в конечном итоге, свою неподготовленность к государственному управлению свалили на *неподготовленность и безнравственность русских*, хотя народы России, на удивление всему миру, терпят не только их управленческую безграмотность, но и всякие «прихватизации», воров в законе и прочую изворотливую и пронырливую нечисть.

В. В. Розанов немало написал о западничестве и славянофильстве. По-существу это была одна из постоянных тем его творчества, за что его так не любили те, кто был, как теперь говорят, только «рус-

¹ Розанов В.В. О писательстве и писателях – М: Республика, 1995, с. 457

² Там же, с. 524.

³ Там же. С. 525.

скоязычными». Будучи великолепным, неповторимым стилистом русского письма, он, конечно, чувствовал, что литературная форма сочинений славянофилов достаточно часто проигрывала писателям и мыслителям западнического направления. Он справедливо подчеркивал, что «...славянофилами были не писатели по призванию, вдохновению и ремеслу, а как бы трудолюбцы исторические, “бояре” московские и русские, слагавшие и слагающие Кремль и соборы и всю русскую жизнь. “Сочинения” были для них прикладное пособляющее, не главное»¹.

В своих работах они обобщали личный жизненный опыт, свои идеи и скорби, опыт практической жизни. Они являлись людьми дела, а не профессиональными идеологами, какими на Руси были вечно писатели, журналисты, все до одного представители западнического направления. Поэтому у профессионала В. Белинского, который дальше письменного стола ничего не видел, страницы, – как выразился Розанов, – «летели», а у Аксаковых, Самариных и Хомякова страницы «трудно переворачивались» и «скрипели». Он остроумно подметил, что «воз с хлебом далеко не так едет, как «с лихим ямщиком» и «налегке»².

Сочинения западников (Розанов называл их *квартирантами*) читались и казались интереснее, чем скрип, воркотня и толчки телеги хозяина, но «славянофилы ... обеспечивали, свою солидность и неинтересным мышлением, и даже выкупали “творения” своих врагов, которые в какой бы социализм и анархизм не зашли. В какой бы трактир и кабак не попали, обыватель, и вся Русь все-таки думали: «Ни-ча-во!! Выберемся: ...Славянофильство – тяжеловесный золотой фонд нашей культуры, нашей общественности и цивилизации, – обеспечивающей легонькие и ходкие “кредитки” нашей западнической и космополитической болтовни и фразерства»³.

Но по отношению к иностранцам, и западникам В. В. Розанова волновали не только литературные проблемы. Так, анализируя петровскую эпоху, личность М. В. Ломоносова, он считает, что он был лучшим «дитя Петра Великого за весь XVIII век, может быть – даже за два века»⁴. Ломоносов, по его мнению, «...избегал гадательного и рвался к достоверному». Он более чем за сто лет предварил умствен-

¹ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с. 607.

² Там же, с.607.

³ Там же, с. 607.

⁴ Там же, с. 609.

ное развитие России, которое впоследствии получило название «серебряного века». По мнению Розанова, именно М. В. Ломоносов выносил в себе *принципиально новый научный метод*, который позднее получил название позитивизма, хотя он и не упоминал этого названия. Розанов прав в том, что у Ломоносова никогда «не было “итогов”, обучения и философствования, и его работа вся и до сих пор стоит перед нами свеженькая, цельная, нисколько не разрушенная и без запаха в себе гнили...»¹. Он ценил М. В. Ломоносова за то, что в нем сверкал *гений* и горело *чистое крестьянское сердце*. Он не случайно сразу заметил, что в котле преобразований Петра, появилась иностранная нечисть и отбросы, которые, особенно после смерти Петра, «вместо помощи России стали Россию обращать на пользу и даже на службу себе, а Академия просто уселась на жалованье как ученое чиновничество»². Он точно оценил главные цели и заботы Шумахера, Тауберта и всех тех, кто поднял этих людей «наверх» в научной и административной бюрократии. Ломоносова естественно коробило от того, что какой-то Шумахер, без всяких научных заслуг возглавляет Российскую Академию наук и тянет за собой себе подобных. И это делалось в годы царствования Елизаветы, которая в целом хорошо относилась к Ломоносову, а И. И. Шувалов, тогдашний генерал-адъютант, президент Академии художеств и фаворит Елизаветы Петровны, тоже казалось, был ему покровителем.

Ломоносов почувствовал, что в стране и окружении царицы есть те, кто подбирает кадры по *другим параметрам*. Для него был важен не Шумахер, а *принцип подбора кадров*, при котором коренные русские, Ломоносовы, оказались *в стороне*. Розанова волновало то, что и позднее этот принцип в Академии наук не был изменен. Он спрашивал: «почему то же, приблизительно то же, повторилось с Менделеевым, который был заперт куда-то в главного начальника палаты “мер и весов”... Отчего Мечников работает не в России? ...И – сонм меньших, но подобных... Если перебрать синодик тружеников мысли, работы, предприимчивости, изобретения, открытий и вообще науки – и осложнить его другими синодиками русских людей, вообще работавших для России, то получится около “гробницы Ломоносова” другое неизмеримое “Ломоносовское кладбище” – людей? страдавших и

¹ В.В.Розанов. О писательстве и писателях. - М: Республика, 1995, с. 610.

² Там же, с. 611.

умерших “по образу и подобию” этого праотца и русского духа? и русской науки, и русской судьбы и русской неудачи...»¹.

Причину этого он видел в том, что ни сам Петр, ни его преемники не указали тех мер, при помощи которых было бы оградить замысел петровских реформ от закоснения и «замундирования», от превращения ее в шаблон и фразу. Важно здесь и то, что Розанов очень точно подчеркнул, что разложение реформ Петра «было почти одновременно с их рождением»². Плохо образованные и малоспособные преемники Петра не поняли того, что эту реформу нельзя было останавливать, что главное ее достижение – в деятельности и пробуждении *духа*. Они решили, что успех Петра был обусловлен активным использованием иностранцев. Именно по этой причине, – пишет Розанов, – Шумахер стоял выше Ломоносова даже при Елизавете; *как иностранец выше русского*, в равном положении, при переломном движении: потому что все затянулось «мундиром», а самая родина мундира и все образцы его – из иностранщины, от Запада. «Вот отчего мужик (Ломоносов) не мог перебороть чиновника... В мундиры сейчас бросились мыши и съели все, съели дух Петра.... Именно в “западном” – не лежит никакого принципа и не лежало никакого принципа для самого Петра. Иначе он непременно, при своей неудержимости, сломал бы и самую веру... заменил бы одних святых другими.... Но Петр чисто и глубоко почитал именно русских святых, и вообще сам царь был крепко русский человек»³.

М. В. Ломоносов пришел вскоре после Петра, но уже везде для русского появились препоны и загородки. Кто-то считал, что иностранец лучше, чем русский. В. В. Розанов с болью писал: «И пошло все в “иностранщину”, пошло, пошло, шаблонно, мундирно, важничая, – пренебрегая золото родных голов, горячее сердце русских грудей, честную и верную службу русского человека русской земле. Совершилось и по днесь совершается что-то дикое и ни в одной земле не бывалое, ни в чьей истории не слыханное: забивание, заколачивание русского человека русского дара в русском же своем отечестве. Этого – ни у негров, ни у турок, ни у китайцев нет, это – только в одной России, у одних русских. ...Россия сделалась или, точнее, ее сделали

¹ Там же, с. 611.

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. – М: Республика, 1995, с. 611.

³ Там же, с. 612.

неслыханно бездарною. “Суди, молчи и терпи”. Это Ломоносов-то?! Это - после Петра-то!!»¹.

В. В. Розанов одним из первых в России поставил вопрос о месте и роли интеллигенции. «Слово «интеллигенция», – писал Розанов, – многие годы особенно восьмидесятые, не было лестным, около него колебались чувства, было множество гримас, и оно почти готово было перейти в кличку, весьма мало уважительную»². Плохо было то, что с иронией к ней относились не только малообразованные люди, но и правящий класс. Хотя интеллигенция много знала, острее чувствовала общественные противоречия и проблемы, но ее царизм редко подпускал к большой власти. В результате у нее сформировался устойчивый комплекс изгоев общества. Это понимали выдающиеся мыслители XIX века, в том числе П. Н. Милюков, написавший «Очерки истории русской культуры», П. Б. Струве и другие крупные специалисты по истории русской общественной мысли.

Интеллигенция, по мнению Розанова, лучше улавливает «коренной нерв образованности русской», который проходит не «по родовитым верхним слоям. ...а по самому низшему, куда решительно тянет и лучшая часть собственно культурного слоя»³. Интеллигент, по его мнению, тот человек, который «дары просвещения не сохраняет, как драгоценный фрукт, завернутый в бумагу, – а, напротив, обильно его расточает вокруг. Так сказать, дает “душу свою” и снедь ближнему, нужде, всякому жаждущему»⁴.

Отлично сознавая это, В. В. Розанов предъявлял к любимой им интеллигенции и большие претензии, особенно за то, что она устраивала не всегда праведный суд над своей историей. Он точно чувствовал, что не все интеллигенты России улавливают коренной нерв России и русских. Так, например, хотя он был земляком Максима Горького, и Горький высоко ценил его как литературного критика и философа. Но Розанов, оценивал его творчество, писал, что Горький не всегда поет русскую песню. В статье «М. Горький и о чем у него есть “сомнения”, а в чем он глубоко убежден» остроумно замечал, что «Горький пробежал», а «не был в литературе».

После того как он напечатал первые свежие рассказы про «бывших людей», линия этих лысых радикалов и полупараличных рево-

¹ Там же, с. 612.

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. - М: Республика, 1995, с. 112.

³ Там же, с. 113.

⁴ Там же, с. 113.

люционеров завизжала, закрутилась, захлопала, затопала от прибывшей в пору помощи, – выдвинула его впереди всех, поставила над собой, – и человек был погублен, писатель был погублен. В сущности, ради того, чтобы в «Истории российской социал-демократии» был выдвинут некоторый своеобразный эпизод. «Пером» Горького воспользовались. Горького стали употреблять»¹. По его мнению, М. Горький только позднее понял, что он стал участником подготовки никому не нужной революции в России, «за него думали другие, “лысые старички” и “неспособные радикалы”, которые стали начинать его темами, указывали предмет писания. А он только.... придумывал для них “персонажи”, придавал им свой слог»². Он потерял землю под ногами и ясность в голове, его «тащили», а он вообразил, что «тащит эпоху за собой; его взяли с чужой поклажей и на чужих лошадях, а ему представилось, что он совершает какой-то «поход Александра Македонского, всех, покоряя, всех разгоняя»³.

Он возмущался тем, что А. М. Горький набрался смелости выступать в качестве арбитра Востока и Запада, целых исторических эпох, мировой культуры, а сам при этом написал рассказы, где характеризует одну проститутку (Мальву), одного вора (Челкаша) и пьяного опустившегося сброда («На дне»)! Но эти образы, по его мнению, несли разрушение сложившейся русской цивилизации, о чем Горький не задумывался. Таким образом, они не несли в себе утверждение *духовных и интеллектуальных ценностей*, а несли *порушение* рабочих, крестьян, мастеров своего дела, в конечном итоге всей России, всех сословий и классов, всех славянских народов. Он посягнул на религию, осуждает Библию и Евангелие и все это делается на уровне «мастерового», а не опытного историка, философа и мыслителя. А те, кто поддерживают его – все нерусские или только русскоязычные социалисты, которым нет дела «до русской литературы и до судьбы русского писателя»⁴.

В. В. Розанов винил в этом чуждое России окружение А. М. Горького. По его мнению, в его сочинениях звучит чужая фразеология, без единой черточки русского ума, русского сердца». Для них Россия просто «некультурная страна». Он с горечью писал о своем земляке: «Вылетел буревестником, собираешься лечь в могилу Обло-

¹ Розанов В.В. о писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с. 619.

² Там же, с. 619.

³ Там же, с. 620.

⁴ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с. 622.

мовым. ...Куда тебе геройствовать? Лег на чужой воз, – и везут тебя, переодетого в чужое платье, по чужим местам, по чужим дорожкам. Ты летишь. Не сопротивляешься, и спишь крепким сном обыкновенного Обломова. Оно беззаботнее, когда за нас думают, умные люди и даже шевелят нашим языком. Конечно беззаботнее. Только не надо было вороне хвастаться, что она – молодой орел»¹.

Эта статья вышла в газете «Колокол» 2 января 1916 г. Важно при этом подчеркнуть, что А. М. Горький правильно понял сетования В. В. Розанова и сделал соответствующие выводы. В последующих произведениях чувствуется, что он стал больше размышлять о глубинной судьбе и истории России. В. Розанов, чтобы до Горького «дошли» страдания за его литературную судьбу, подписал эту статью псевдонимом В. Ветлугин. А. М. Горький знал, что он родился в г. Ветлуге, и уж коль скоро так написал земляк, то значит, где-то он что-то не понял.

Характерно, что когда В. В. Розанов в 1919 г. голодал и умирал в Троице-Сергиевой лавре, то А. М. Горький послал ему перевод денег, но он уже не застал Розанова в живых, о чем Горький сообщил Ф. И. Шляпину. Реакция же ленинского окружения, которое не любило Розанова за искренность суждений, тоже теперь известна. Л. Троцкий, Я. Свердлов, Ф. Дзержинский и А. Луначарский «закрыли» Розанова от русского читателя на 70 лет Советской власти. А если бы он не умер, то быть бы ему в ленинско-сталинском ГУЛАГе.

Одной из постоянных забот В.В. Розанова была проблема истории и ее роли в формировании исторической судьбы русского народа. Его волновало то, что многие русскоязычные историки пишут историю России только в черных красках, вдалбливая плохо подготовленному читателю, что в истории Руси и России всегда *все было плохо*. «Было бы ошибочно думать, – писал он, – что какой-нибудь народ может достигнуть сколько-нибудь значительной старости, то есть долговечности, не имея чего-нибудь, что согревало бы его в веках и, наконец, в тысячелетиях»². По его мнению, история любой страны содержит как положительный, так и отрицательный опыт. Особенно это относится к крупным, многонациональным государствам, которые играют решающую роль не только в формировании национальной культуры, но и государственности, определяют геополитику для многих других народов.

¹ Там же, с. 623.

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. М: Республика, 1995, с.59.

Но в XIX веке, на который приходится большая часть его жизни, Розанов особенно не устраивали идеи тех мыслителей, государственных чиновников и деятелей культуры, которые, так или иначе, призывали к революции, насильственному уничтожению самодержавия, хотя у него к нему были тоже большие претензии. Именно этим определялись все его взгляды, которые левые радикалы квалифицировали как консервативные. При этом следует подчеркнуть, что в XIX веке в общественной мысли России господствующими были идеи радикалов и прогрессистов, которые в большинстве своем трактовали консерватизм как реакционное устаревшее мировоззрение. Они не понимали тогда (а многие и до сих пор), что консерваторы в России и других странах всегда поддерживали и поддерживают общественный прогресс, но предлагали осуществлять его тщательно выверенными шагами. Они были сторонниками социально-политических реформ, эволюции, а не революции. По этой причине взгляды В.В. Розанова раздражали левых, а если к этому еще добавить и то, что он оказался одним из *принципиальнейших защитников интересов* русского народа, православия, почвенничества, русской философии и русской литературы, то это еще более отталкивало от него *революционеров, социалистов, атеистов, марксистов*, которым, как показала история, были чужды интересы коренной государствообразующей нации.

И этот спор в истории России шел веками, о чем писал В.В. Розанов в своих многочисленных работах. Какие только ярлыки не навешивали на него те, кто никоим образом не любил Россию, монархию, православие, а в конечном итоге, *всю русскую национальную культуру и русский менталитет*. Среди его противников были те, кто расходился с ним исключительно в теоретическом плане (В.С. Соловьев), но были и такие, кто с порога отметал все его статьи, книги.

Василий Васильевич Розанов не боялся оказываться в одиночестве и часто защищал тех, кого радикальная общественная мысль беспощадно отвергала, порой не замечая, что у них есть много ценных идей. Он защищал от нападок левых К. П. Победоносцева, А. И. Суворина, М. Н. Каткова, Н. Н. Страхова и других, чьи сочинения вызывали острейшую критику современников. И при этом, он неизменно предупреждал об опасности *социальных экспериментов на людях*. Так, анализируя взгляды западников и славянофилов, и больше сочувствуя последним, он справедливо писал, что правительство России знало социальные проекты тех и других, но удовлетворить их не могло, так как это можно было сделать «...лишь политикой опаснейших

экспериментов и попыток, имевших целью либо возвратиться в безвозвратно исчезнувшее прошлое, либо рвануться вперед в погоне за совершенно чуждыми России и по существу своему негодными учреждениями Запада. Как в том, так и в другом случае правительству предлагалось сделать прыжок в мрачную неизвестность»¹.

Теперь мы лучше, чем его нетерпеливые, якобы прогрессивно мыслящие русскоязычные марксисты-ленинисты, которым была безразлична историческая судьба России, видим, что прав был В.В. Розанов, а не его противники, обвинявшие его в национализме, монархизме и даже аморализме. Не побоялись прыгнуть в неизвестность В.И. Ленин и его ультрореволюционеры, не побоялись прыгнуть туда же Б.Н. Ельцин и его ультрареформаторы, а в результате всего они изматывали Россию и ее народы, довели всех до тяжелейшего кризиса. И еще кто-то пытается говорить, что история не содержит в себе никакого опыта. Опыт очевиден, но к политике надо допускать людей действительно просвещенных, духовно лучших, не безразличных к судьбе той страны, где они живут.

Именно по этой причине он высоко ценил ту часть взглядов М.Н. Каткова, где он утверждал, что России не нужна революция, ибо «...и в настоящем своем положении она совершенно здорова, что она не нуждается ни в славянофильских, ни в либеральных переустройствах, чтобы идти по пути православия, самодержавия и народности; что для этого нужно только верить в себя, верить в свои силы... бодро смотреть в глаза своим внешним и внутренним врагам»². В этом, по его мнению, и состояла «великая государственная заслуга» М.Н. Каткова, который своевременно понял что «история вся разворачивается в два, собственно, ряда людей – истинных зиждителей всего ее узора: юродивых и полководцев. Вы поражены, вы спрашиваете: где же законодатели, дипломаты, политики? Где, наконец, князья, цари? Словия, народ? Они идут, но не ведут»³.

Когда в Россию был доставлен марксизм, то В.В. Розанов, ознакомившись с главным трудом К. Маркса «Капиталом», писал: «Все хорошо сосчитано здесь, но только излишне далеко рассчитано. ...Построения К. Маркса овладели мыслью наших теоретиков; они их

¹ Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. М: Республика, 1996, с. 263.

² Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского М: Республика, 1996, с.263.

³ Там же, с. 264.

гипнотизировали, как глаза очковой змеи гипнотизируют маленькую птичку, и она, вместо того чтобы лететь от чудовища, бессильно падает ему в пасть»¹. Марксизм он характеризовал как «вчера выросшую науку» и не более того. Он чувствовал, что у России своя история, и она должна иметь *собственную теорию* ее преобразований. Он сетовал на то, что «народники» не поняли этого и приняли марксизм на веру, без достаточного знания «книжности» Плехановым, Струве и Туган-Барановским. Важно здесь подчеркнуть, что позднее Струве и Туган-Барановский сами ушли от марксизма, а их отрицательные идеи так и закрепились у менее подготовленных их читателей и последователей. Они, таким образом, во многом подготовили неудачи России, хотя свалили свою вину на плечи всей русской интеллигенции и непросвещенного народа. Любопытно, что их считали в то время «передовыми людьми эпохи», а Розанова, который был гораздо ближе к истине, обвиняли в консерватизме, реакционности, монархизме и т.д. и т.п.

То, что нынешнее поколение интеллигенции, оболваненное марксистами-ленинцами, поняло только спустя 70 лет советской власти, В.В. Розанов понял в 1897 году. В газете «Новое время» за 23 сентября в статье «Литературно-общественный кризис» он писал: «Экономизм как доминирующая норма есть действительно смерть: он действительно просачивается внутрь только уже опустошенного от всяких мистических струек организма. Экономический строй, семья... государство как содружество экономических же групп и все “экономическое” в тенденции и основаниях: “наука”, печать, публицистика, — это ничего более, как минерализовавшееся общество, которое имеет форму и перестало дышать, потеряло “дыхание жизни”»².

Кстати, тогда же, говоря о специфике российского менталитета, он подчеркивал наше главное отличие от западноевропейского мышления — *общинность нашего мировоззрения*. Он считал, что это обстоятельство у нас не разобрано и не объяснено. Его уже тогда удивило, «почему община, исчезнувшая в Германии при Таците, т.е. в своем роде при «Русской Правде», — у нас удержалась до “Судебных уставов” Александра II, т.е. 1000 лет? ...эта разница в длительности суще-

¹ Там же, с. 269.

² Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. М: Республика, 1996, с. 272.

ствования не объяснена и есть главный факт, должна бы стать главной темой размышления наших экономистов»¹.

Он во многом предвидел наш горький опыт социалистического эксперимента. Размышляя о будущей России, революционных последствиях ее преобразования, он предупреждал: «Трудно представить себе, как социалисты в какой-то день месяца и года выбегут, наконец, на улицу и “передадут орудия производства” “самим производителям”. Я хочу сказать, что энтузиазм составляет не только психику, но и логику социализма, именно центральный момент этой логики – и он умер в Марксе»².

Говоря о причинах неудач в России, В.В. Розанов во многих своих сочинениях писал о «сумерках просвещения» и беспочвенности русской школы.

Самое любопытное, что приходит на ум при чтении его работ по этой проблематике, – это то, что мысли его в полном объеме совпадают с проблемами нынешней системы образования. Приведем для примера только некоторые его высказывания, почти наугад взятые из его книги «Сумерки просвещения», где им дана характеристика состояния образования России на рубеже XIX-XX веков. «Нужды нашего образования у всех наболели». «Россия всего беднее обставила свое просвещение». «Возьмем ли мы книгу и стоящего за ней ученого: журнал и стоящего за ним писателя, но, прежде всего, конечно школу и стоящего за ней учителя – мы увидим все это как-то оборванным в своем существовании и достоинстве; все это жметя куда-то в угол в нашем широком и, казалось бы, для всего привольном отечестве; ежится и как будто чувствует нужду в оправдании самого бытия своего». «Учитель – это немножко раб», «Ученый раб», «Пора нашему просвещению снять “знак раба”... и встать в уровень, плечом к плечу с другими ведомствами»³.

Не удивляйтесь: все эти слова взяты лишь из одной его статьи «Беспочвенность русской школы». И даже больше. Все они уместились на первой же странице. И это после того, как все революционеры, реформисты, цари, генсеки, члены правительства, политбюро, комиссары и министры первые и вторые президенты, все, даже плохо учившиеся, клятвенно обещали поставить школу и учителя в привилегированное положение, на первое место в обществе. Президент

¹ Там же, с. 275.

² Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. С 276.

³ Розанов В.В. Сумерки просвещения – М: Педагогика, 1990, с. 234-235.

России Б.Н. Ельцин демонстративно свой указ №1 посвятил школе и образованию, но всего через несколько лет он перестал платить заработную плату учителям и врачам, отобрав предварительно даже те крохотные вклады в сберкассах, которые они всю жизнь берегли «на черный день». В.В. Розанов спрашивал еще в XIX веке, стоит-ли «удивляться при этой постановке дела в самом зерне его, что мы на всех поприщах духовной и общественной жизни представляем слабость национального сознания»¹. Но мы до сих пор так и не можем понять, что без хорошего учителя, школы, врача и больницы общество не двинется с места, оно будет прогрессировать слишком медленно. Не потому-ли, спрашивал В.В. Розанов, – «в русской истории было не только «неразумение форм» и ... неразумение хорошего пороха в Крымскую войну, и дальнобойных ружей в минувшую турецкую»². Такое же «неразумение форм» проявилось в ходе реформирования России в ходе перестройки. Стилистически знаменитый премьер-министр В.С. Черномырдин был вынужден признать: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

В.В. Розанов как философ, литературовед и мыслитель остро чувствовал проблемы национальной истории, культуры, хорошо предвидел неудачи предстоящих большевистских авантюристических перестроек России. Он был прав и в том, что люди, лишенные национального самосознания, патриотизма, которые считали и считают русскую культуру чужой, не смогут принести благо стране. Их волнуют какие-то другие, чуждые интересам России проблемы. И это продолжается, к сожалению, слишком долго, начиная от Петра I и вплоть до наших дней.

Нельзя согласиться с еврейским писателем С. Лурье, что «российский человек постоянно становится историческим игроком в рулетку. Причем играют-то за него, он может только поболеть сегодня за эту команду, завтра за ту»³. С. Лурье очень точно подтвердил прогнозы выдающегося русского мыслителя В.В. Розанова.

¹ Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М: Педагогика, 1990, с. 237.

² Розанов В.В. Сочинения. – М: Советская Россия, 1990, с.407.

³ Лурье С. Тоска по Перуну. «Русская мысль», 2000, 20-26 апреля, с. 15.